

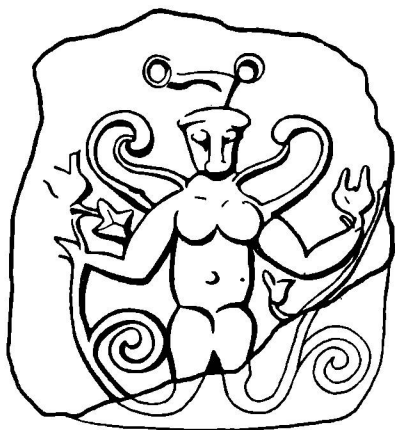
КУЛЬТ ГРЕКО-ТАВРО-СКИФСКОГО БОЖЕСТВА В ХЕРСОНЕСЕ

Вопрос о связи местного населения с греческими городами Северного Причерноморья получил широкую постановку лишь в советское время.

Благодаря работам советских историков можно считать вполне доказанными роль и значение скифов в истории Ольвии, скифов и сарматов—в истории Боспорского царства¹; что же касается Херсонеса, то вопрос о живой и органической связи его с таврами—его ближайшими соседями, до сих пор остается в тени.

Большинство исследователей, желавших видеть в Херсонесе чисто греческий город, никак не хотело заметить органическую связь греков с аборигенами. По установленной старой историографической формуле в рабовладельческих античных полисах жили господа—греки, рабы—варвары и неполноправные метеки.

Непосредственное знакомство с материалом из херсонесских раскопок, как некрополя, так и городища, убеждают нас в наличии громадного количества варварских

и греко-варварских элементов среди населения Херсонеса в античную эпоху и о тесной связи этого населения с греками.

Одним из наглядных примеров взаимодействия греческой и варварской культуры в области идеологии служит находка в 1946 г. (см. рис.) памятника сильно грецизированной, но сохранившего свою самобытно-этническую основу.

В раскопках Государственного исторического музея в 1946 г. в Херсонесе с наружной стороны протейхизмы (против древнегреческих ворот), в насыпи дорожной дамбы, представлявшей слой III—IV вв. н. э., проложенной по территории некрополя более раннего времени, оказалась терракотовая пластинка размером 6,8×6,3 см., толщиной 0,6 см. Низ ее, особенно правый угол, отбит в древности. Пластинка, из хорошо обожженной темнокрасной глины, слегка покрыта кремевым ангобом. На лицевой стороне пластинки высоким рельефом изображена обнаженная женская фигура со стилизованными крыльями за плечами, змеевидными (от колен) ногами, переходящими в стилизованные растительные завитки, концы которых с листьями и цветами находятся в руках изображенной фигуры. Самым необычным в ней является голова, представляющая бычачью морду в стиле обычных плоскостных пластических изображений голов быка—букраниев, широко распространенных в культовых античных реквизитах. Над слегка опущенными рогами возвышается калаф, над калафом—две дырочки для шнура, на котором подвешивалась пластинка. Местами кое-где сохранилась красная

¹ С. А. Жебелев, Народы Северного Причерноморья в античную эпоху, ВДИ, 1938, № 1—2 (см. приведенную там литературу).

краска, оттенявшая, повидимому, ангобированную поверхность рельефа. Хорошо прослеживается техника изготовления пластины: глину вымали в специальную форму руками, следы пальцев отлично видны на обороте пластины, и по малым размерам их можно думать, что мастером была женщина или подросток. Судя по небрежности и поспешности, с какими слепок вынимался из формы, производство было массовым и вкусы потребителей не слишком взыскательны, так как отпечаток передавал изображение в нечетком виде. Дырочки наверху слепка прокалывались после изъятия его из формы, после чего пластинка обжигалась. Никаких аналогий этому памятнику пока не известно, и изображение на нем носит сложный, синкретический характер. Для выяснения его необходимо разобрать все особенности нашего изображения в отдельности. Прежде всего остановимся на растительных завитках, представляющих поги; они роднят это существо с хорошо известными изображениями скифской змееногой богини, широко распространенными в Северном Причерноморье. В Херсонесе имеются изображения змееногих богинь. Привожу описание всех известных мне случаев нахождения этих изображений:

1. В раскопках некрополя у южной части городской стены в 1893 г. в могиле № 326, оказавшейся погребением ребенка в каменном гробу, найдена золотая пришивная пластинка с изображением женщины со змеиными ногами¹.

2. В раскопках городища в 1903 г. найдено грузило с художественно исполненным штампом в виде обнаженной женской фигуры со змеиными ногами².

3. В раскопках 1905 г. в юго-западном углу монастырской усадьбы найден кусок карниза из твердого местного известняка с уцелевшим выуклым художественно исполненным изображением грифона с львиной головой и ласкающей его женщины с завитками вместо ног³.

4. В раскопках 1908 г. некрополя римского времени найдена яшма с резным изображением женщины с змеиными ногами⁴.

Рассмотрим теперь все вышеприведенные памятники в отдельности. Прежде всего бросается в глаза неоднородность этих находок по времени и по стилю. Золотая бляшка из раскопок 1893 г. имеет ближайшие аналогии в скифских и греко-скифских курганах IV—III вв. до н. э. К ним относятся бляшки с изображением крылатой богини со змеиными ногами в погребальном реквизите Б. Близицы⁵, Куль-Обы⁶, в кургане Елизаветинской станицы⁷ и др.⁸. К этому же времени и стилю относится грузило из раскопок 1903 г. (№ 2) с клеймом в виде обнаженной женщины со змеиными ногами,

Стиль и характер карниза из известняка с изображением обнаженной женской фигуры со змеиными ногами, ласкающей грифона (№ 3), позволяют видеть в нем памятник не позднее III в. до н. э. Материал—известняк—вполне соответствует этой датировке, так как все наиболее ранние художественно оформленные архитектурные фрагменты из Херсонеса сделаны из известняка⁹. Полной аналогии нашему памятнику в Северном Причерноморье мне не известно, но изображение человеческого существа со змеиными ногами имеется на двух фрагментах мраморного фриза из Тамани и, по определению занимавшегося ими Л. П. Харко, относится к первой половине III в.¹⁰

¹ «Отчет А. К. за 1893 г.», СПб., 1895, рис. 1, 2, 3, стр. 4.

² ИАК, вып. 16, стр. 84.

³ ИАК, вып. 25, стр. 140, рис. 30.

⁴ «Херсонесский сборник», вып. II, Симферополь, 1927, стр. 183, рис. 11.

⁵ ОАК, 1865, стр. 70, табл. III, рис. 3, 4, 5.

⁶ ДБК, XX, 8.

⁷ ОАК, 1812, 58 рис., стр. 84.

⁸ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, 1925, стр. 324 и 233, E. M i n n s, Scythians and Greeks, Cambr., 1913, стр. 427, рис. 27; стр. 373, рис. 276; стр. 166, рис. 54.

⁹ Бертъе Делагард, Раскопки Херсонеса, МАР, № 12, 1893, стр. 29.

¹⁰ Косцюшко-Валюжанич, ОАК, 1895, стр. 105; Л. П. Харко, Фрагменты фриза с изображением гигантов, СА, 1941, VII, рис. 1-а и б, стр. 83 сл. Мне кажется, что на этих фрагментах надо усматривать не гигантов, как думает Харко, а это же самое,

до н. э. Интересно и то обстоятельство, что на нашем карнизе змееногая богиня изображена вместе с грифоном. Еще Стефани заметил, что «у древних, вслед за горгонейоном, лучшим профилактическим средством служил грифон»¹.

Изображения грифона встречаются в греческом и греко-варварском мире в эллинистическую эпоху повсеместно. Достаточно много известно их и в Херсонесе. Гемма из раскопок римского некрополя в 1908 г. (№ 4) своей техникой и стилем вполне соответствует геммам I—III вв. н. э.², с датировкой которых прекрасно связывается весь материал, сопровождавший нашу гемму. Она одновременно аналогичным по сюжету терракотовым и гипсовым прилепам боспорских саркофагов I—III вв. н. э.³. Последние четыре памятника олицетворяют идею местного, скифского, великого хтонического божества, о котором повествует Геродот и культ которого был повсеместно распространен в Скифии и, особенно, на Боспоре во все времена его существования⁴. По сообщаемой Геродотом легенде, Геракл, блуждая по Скифии в поисках коней Гериона, встретил странное существо—полуженщину-полузмею (ехидну), с которым он вступил в брачные отношения и от которого родились его сыновья, сделавшиеся впоследствии родоначальниками скифов⁵. В Херсонесе культ Геракла складывался на двух основах. Первая—греческая. Здесь Геракл—герой, эпоним метрополии Херсонеса—Гераклеи Понтийской, с которой тесно связан Херсонес в античную эпоху. Вторая—чисто местная, скифская. Именно эта последняя сторона приобрела особое значение в культе Геракла в Херсонесе, сделав его наиболее популярным божеством и апотропеем хтонического местного культа, особенно в эпоху первых веков н. э.⁶. Геракл становится в определенное мифологическое соотношение к скифскому божеству—полуженщине-полузмее—и наряду с ним приобретает важное значение в местном хтоническом культе. Найденные в Херсонесе жертвенники со змеей посвящены, повидимому, именно этим богам. Стояли ли эти жертвенники в специальных храмах или находились в храмах других божеств, связанный с хтоническим культом, но находящийся на высшей ступени мифологической иерархии, например Диониса или Деметры-Кибелы, сказать пока невозможно. Тот факт, что карниз с изображением змееногой женщины с грифоном является архитектурной деталью, так же как и мраморная плита с изображением подвигов Геракла из раскопок 1935—36 гг. является частью архитектурного фриза⁷, позволяет предположить, что эти изображения идейно связаны с назначением зданий, которым предназначалось служить украшением, т. е. специальных храмов.

В. В. Латышев предположил влияние скифов на религию херсонесцев еще во времена Херсонесской присяги. В своей работе, посвященной этому памятнику, он пишет: «Какие причины повлияли на возведение Земли и Солнца в Херсонесе на степень важнейших божеств,—определить, конечно, очень трудно. Возможно, что культ Солнца

столь популярное на Боспоре, змееногое божество. Данное соображение тем более уместно, что в аттическом искусстве изображение гигантов со змеиными ногами появилось в IV—III вв. до н. э. после проникновения в Грецию новых сюжетов, связанных с Северным Причерноморьем. Одним из них была змееногая богиня, внесшая в иконографию аттических гигантов новые черты, подчеркнувшие их значение, как подземных существ.

¹ ОАК, 1877, СПб, 1880, стр. 7.

² М. И. Максимова, Античные резные камни Эрмитажа, Л., 1926, стр. 74, § 4 и 76, § 3.

³ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, 1925, стр. 233—239; ОАК, 1866 г., табл. 1; ОАК, 1904 г., рис. 245, стр. 214; ДБК, 76, 8; ОАК, 1891 г., рис. 35, стр. 56; Альбом рисунков, рис. 384, стр. 66.

⁴ С. А. Жебелев, Геродот и скифские божества, «Изв. Тавр. общества», Я., 1927, Симф., Ростовцев, Эллинизм и Иранство, изд. «Огни», 1918, стр. 75 сл.; «и же, Скифия и Боспор, стр. 233.

⁵ Гер., IV, 9.

⁶ Пятые, О культе Геракла в Херсонесе.

⁷ Г. Д. Белов, Херсонесские рельефы, ВДН, 1940, № 3—4, рис. 14, стр. 277.

перешел еще из Мегер в Ираклею Понтийскую, а оттуда в Херсонес, на причисление же земли к важнейшим божествам оказали некоторое влияние соседние скифы, у которых, по словам Геродота (IV, 59), Земля, признававшаяся супругою Зевса, вместе с ним почиталась больше всех других божеств, кроме Гестии, занимавшей первое место»...¹.

Это предположение В. В. Латышева мне представляется вполне вероятным. В Херсонесе, наряду с культом чисто греческих божеств (Афина, Дионис, Афродита, Аполлон и др.), мы видим культы местных божеств, игравших первенствующую роль в местном пантеоне, а также греческих божеств с явно варваризированным значением их для херсонесской религии. И скифская змееногая богиня была принята в херсонесском пантеоне и играла определенную роль в местном хтоническом культе.

Но главным божеством того же культа была не скифская змееногая богиня, а таврская Дева, возведенная херсонесцами в превосходную степень среди божеств государственного пантеона.

Предположительная локализация отдельных частей города отводит местности, называемой Парфенон (Παρθένων), лучшее местоположение². Эта площадь прилегала к площади современного собора с юго-восточной стороны. Здесь надо искать храм Девы, о котором говорит Страбон, и здесь же, повидимому, стояли посвященные ей алтари, упомянутые в эпиграфических памятниках³. Самыми важными документами, характеризующими роль и значение Девы в местном пантеоне и общественно-политической жизни Херсонеса,⁴ являются два: 1) текст Херсонесской присяги, 2) декрет в честь Сирикаса, историка Херсонеса.

Херсонесская присяга, относящаяся к лучшим временам жизни города—IV—III вв. до н. э., начинается со слов: «Клянусь Зевсом, Землею, Солнцем, Девкою, богами и богинями Олимпийскими и героями, кои владеют городом и землею и укреплениями Херсонаситов...»⁵ и кончается заклинанием именем Земли, Солнца, Девы и богов Олимпийских.

В. В. Латышев в своем исследовании текста присяги пишет: «культ Девы παρθένος в Херсонесе известен из Страбона и других писателей. Богиня эта, несомненно, местная»⁶. Далее он замечает: «Но вообще эллины отождествляли в своем представлении эту богиню с Артемидою под именем Таврической или Ταυροπόλος»⁷. В Херсонесе, впрочем, эта богиня, повидимому, всегда называлась просто Девкою, а не Артемидою⁸.

Второй эпиграфический памятник, говорящий о роли и значении Девы для Херсонеса,—декрет в честь Сирикаса: «Ввиду того, чтобы граждане исполнили как следует свой долг по отношению к богине Деве и чтобы народ Херсонесцев воздал должную благодарность за полученное от нее спасение, народ, который и раньше не раз был спасен ею от величайших опасностей, и теперь, когда жители вышли (из города) с детьми

¹ В. В. Латышев, Очерки греческих древностей, ч. II, СПб., 1899, стр. 12—13.

² В. В. Латышев, МАР, № 17, СПб., 1895, стр. 9; К. К. Косцюшко-Валюжанич, ОАК, 1891, СПб., 1893, стр. 3.

³ МАР, № 17, стр. 9, № 3; ОАК, 1892, СПб., 1894, стр. 14; МАР, № 17, стр. 10—11, № 16; МАР, № 4, стр. 10; ОАК, 1892, рис. 22, стр. 26; МАР, № 5, стр. 10.

⁴ Перевод дан по В. В. Латышеву, Присяга граждан города Херсонеса Таврического, Севастополь, 1902; он же, МАР, № 9; С. А. Жебелев, Херсонесская присяга, ИАН, 1935.

⁵ МАР, № 9, стр. 13.

⁶ См. об отождествлении и о характере культа Артемиды Таврической Preller, Griech. Mythol., I⁸, 251; Stoll, Roscher's Lexicon d. Mythol., II, 304 (под словом Iphigeneia); ср. также замечания В. Н. Юргевича в ЗОО, XII, стр. 37 и др.

⁷ Латышев, там же, стр. 13.

⁸ ИАК, вып. 18, стр. 114, № 23; IOSPE, I, № 184; ИАК, вып. 45, стр. 44, № 3; М. И. Ростовцев, Сирик — историк Херсонеса Таврического, ЖМНП, 1915, март.

и женами, сопровождая Диониса, а соседние варвары внезапно совершили страшный набег»...¹

Среди заслуг Сириסקа, за которые он удостоился постановки почетного декрета, на первом месте стоит описание явления (*ἐπιφάνεια*) Девы, много раз чудесным образом спасавшей Херсонес от грозившей опасности. В чем выражалось это чудесное спасительное вмешательство—вопрос пока открытый², но важен сам факт вмешательства культа воинственной богини в политическую историю города.

Из декрета в честь Диофанта, полководца Митридата, мы узнаем, что в Херсонесе были специальные празднества Парфении, сопровождаемые процессиями³.

Один из типов монетных изображений Девы представляет женщину с калафом на голове и ниспадающим на плечи и грудь покрывалом. Среди найденных в Херсонесе и его окрестностях терракот, изображающих женщин, многие полностью воспроизводят именно этот тип⁴. Статуэтки обычно невелики (8—12 см), качество глины и отделка их—самые разнообразные, но смысл их один и тот же. Очень характерными являются терракоты, найденные Бертье-Делагардом в Таврском святилище близ Ялты. Связь этих изображений с культом великого таврского божества и херсонесской Девы выяснена мною в работе об античном влиянии на варварское, именно таврское, искусство⁵. Статуэтки представляют собой само божество, общее грекам и варварам, смысл и значение их были близки и понятны тем и другим. Лучшие из них, более тщательной отделки и художественного исполнения, принадлежат греческим ремесленникам, худшие, т. е. более примитивные и грубые, представляют местное варварское подражание. Многочисленные находки подобных статуэток в некрополе Херсонеса⁶ подтверждают их апотропеический смысл в хтоническом культе. Повидимому, с хтонической стороны этого всеобъемлющего культа Девы надо связывать найденные в Херсонесе изображения змееной богини.

М. И. Ростовцев в своей статье «Новая книга об острове Белом и Таврике» (ИАК, вып. 65, 1919) пишет: «В культе Девы не греческое, а местное является решающим. Не греческая *Τηροπίλος* или *Ταυρώ*, а местная великая богиня, многоименная и безымянная и здесь носящая безличное имя Девы... Какой характер носила древнейшая греческая легенда о Великой богине на Лемносе и в Херсонесе—я не знаю. Возможно, что в ее культе было ее хтоническое значение в согласии с местными верованиями и что ее паредром был хтонический доэллинский Дионис. Возможно, что этот Дионис почитался первоначально в образе быка».

Очень интересна мысль М. И. Ростовцева об архаическом паредре Девы—Дионисе, первоначально изображавшемся в образе быка. Очень соблазнительно этим объяснить изображение бодающего быка, часто встречаемого на реверсе херсонесских монет с изображением Девы на аверсе⁷.

Разведочными раскопками Гос. ист. музея в Херсонесе в 1945 г.⁸ на северном берегу в районе Таврского кладбища установлено, что жертвоприношения быка играли определенную роль в погребальном обряде, т. е. связывались с хтонической стороной культа Девы, следовательно, возможно, и с ее первоначальным хтоническим же паредром. Если в таврских погребениях найдены кости быка, то в погребениях

¹ Перевод по Ростовцеву, ук. соч., стр. 156.

² Предположения по этому поводу Ростовцева—в указанном сочинении.

³ Ю р г е в и ч, ЗОО XXII, 1881, стр. 5 сл.; А. В. О р е ш н и к о в, Херсонас—божество Херсонеса Таврического, Петр., 1919; ИАК, вып. 65.

⁴ ОАК за 1888, 1889, 1890 гг.; «Херс. сб.», II, Симф., стр. 254, рис. 10; стр. 255, 232, 235, рис. 15, 3, 2.

⁵ ВДИ, 1946, № 3, рис. 6, стр. 181.

⁶ «Херс. сб.», II, Симф., 1927 и др.

⁷ См. каталог Б у р а ч к о в а, табл. XIV, № 9.

⁸ П я т ы ш е в а, Отчет о разведке в Херсонесе в 1945 г., «Архив Гос. ист. музея».

греческого и греко-римского некрополя мы находим множество изображений быка *ex voto* и также связанных с погребальным культом. Это или терракотовые статуэтки, подобные найденным в приставном склепе № 1015 у крепостной стены¹, или сосуды в виде быка, или изображения на светильниках; иногда попадаются индикации² с херсонесских монет, где представлен бык, иногда это букрании³. Очень интересна в этом отношении детская могила (№ 256) из раскопок некрополя в 1892 г. Могила была закрыта плитой из известняка (разм. 2"×1") с тремя грубо высеченными рельефными женскими фигурами *en face*, держащимися за руки, и двумя бычьими головами, расположенными сверху⁴,—повидимому, здесь изображение какого-то танца, связанного с хтоническим культом, в котором бык играл, очевидно, не малую роль.

Наконец, необходимо вспомнить и самое название народа *ταύροι*, которое хоть и является «грецизацией» местного названия парода, туземного происхождения которого мы пока не знаем⁵, но оно служит несомненным доказательством какой-то значимости быка в культе этого народа.

Скифская змеевогая богиня и таврский мистический бык подчинены таврской Деве в загробном культе; изображение того и другого находится в погребальном реквиците Херсонесского некрополя. Существо с женским туловищем, бычьей головой и стилизованными змеиными ногами на пластинке 1946 г. является лучшим выразителем синтеза двух местных религиозных элементов—скифского и таврского. Это синтетическое божество рождено местной мифографией, но с превалированием все же таврского начала. Последнее заключение можно вывести на основании трех фактов: 1) главную роль, по сравнению со всеми прочими богами, в загробном культе играет таврская Дева, 2) бычьая голова нашего изображения олицетворяет быка в ее культе, 3) калаф на бычьей голове подчеркивает значимость именно таврских атрибутов, составляющих сущность этого культа.

Может быть, здесь надо усматривать синкретическую ипостась самой Девы в ее хтоническом значении, но говорить об этом можно лишь предположительно.

Остается установить время нашей пластинки. Стилистические особенности тела, крыльев и завитков пог роднят ее с аналогичными изображениями позднего эллинизма и раннего Рима; примеры некоторых перечислены выше. Хорошее качество глины, ангоб и следы красного фона вполне отвечают этому же времени. Но, с другой стороны, исполнение ее отличается варварской небрежностью, а синкретический характер изображения мог создаться только в эпоху наиболее сильного взаимодействия греческих и варварских элементов в Херсонесе. Эта эпоха приходится на начало нашей эры и продолжается до конца античности. На основании этих соображений мне представляется наиболее вероятным отнести пластинку ко времени I—II вв. н. э.

Идейное содержание нашего изображения является как бы символом самого Херсонеса конца античности: глубоко местная варваризированная основа и эллинская оболочка, органически слитая с внутренней сущностью.

Н. Пятышева

¹ Г. Д. Белов, Приставные склепы римского времени, «Херс. сб.», II, стр. 116, лист 9—11; там же, стр. 191; могила № 6—стр. 242.

² ОАК, 1891, СПб., 1893, стр. 139.

³ ОАК, 1892, СПб., 1894, стр. 25; архив Гос. херс. музея, дело № 53, 1893 г., лист 36—48; АГХМ, 1894 г., дело № 54.

⁴ ОАК, 1894, стр. 115.

⁵ М. И. Ростовцев, Новая книга о Белом острове и Таврике, ИАК, вып. 65, 1919; Т олстой, Остров Белый и Таврика, II., 1918.